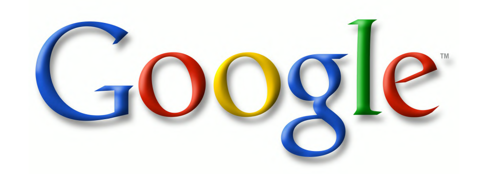

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

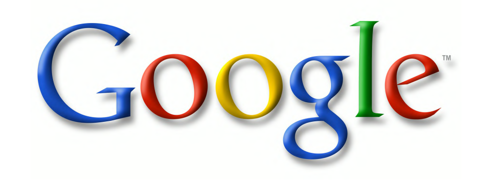
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использоваиия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

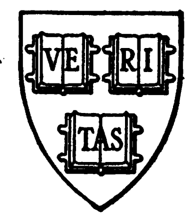
- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

Slav 3096.1.16

Harvard College Library

BOUGHT WITH MONEY
RECEIVED FROM THE
SALE OF DUPLICATES

КРЕЩЕНАЯ

СОБСТВЕННОСТЬ

ИСКАНДЕРА

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

(Н. Трюбнера).

LONDON

TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.

1858

КРЕЩЕНАЯ

СОБСТВЕННОСТЬ

ИСКАНДЕРА

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

(Н. Трюбнера).

—o—

LONDON

TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.

1858

Slav 3096.1.16

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
FEB 13 1940

Dupl. money

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

—

Три года тому назадъ дѣлая первые опыты русскихъ изданій въ Лондонѣ, я напечаталъ небольшой отрывокъ о крѣпостномъ состояніи подъ заглавіемъ "Крещеная Собственность". Я не придаю никакой важности этой брошюрѣ, напротивъ, нахожу ее весьма недостаточной, но изданіе разошлось, Г. С. Тхоржевскій изъявилъ мнѣ свое желаніе сдѣлать новое—я не счелъ нужнымъ не предоставить ему этого права.

Много событій совершилось въ Россіи въ эти три года, но крѣпостное состояніе осталось какъ было —язвой, пятномъ, тѣмъ безобразіемъ русскога быта — которое смиряетъ насъ и заставляетъ краснѣя и съ по-

никнувщей головой признаться, что мы ниже всѣхъ народовъ въ Европѣ.

Съ какимъ теплымъ упованьемъ, съ какимъ сердечнымъ трепетомъ ждали мы послѣ смѣрти Николая тѣхъ возможныхъ, общечеловѣческихъ перемѣнъ, которыя можно было совершить безъ потрясающихъ переворотовъ, однимъ уразумѣніемъ своего смысла и своего призванія—со стороны правительства. Изъ дали нашего изгнанія мы смотрѣли съ надеждой и безъ малѣйшей желчи. Сначала мѣшала война... Прошла война— ничего! — Все отложено до коронаціи... прошла и коронація — все ничего! — И новое царствованіе вступило въ свой ежедневный обиходъ. Всѣ реформы до сихъ поръ ограничиваются фразами, и далѣе риторики не идутъ.

А вѣдь какъ было легко сдѣлать чудеса — вотъ что непростительно, вотъ чего мы неможемъ вынести. У насъ сердце обливается кровью и досада кипитъ въ груди, когда мы думаемъ—чѣмъ могла бы быть Россія при

выходѣ изъ мрачнаго царствованія Николая, разбуженная войной, призванная къ сознанію—безъ ошейника рабства на шеѣ; какъ быстро, какъ самобытно и мощно могла она двинуться впередъ.

Нѣтъ даже начала освобожденія крестьянъ, — этой первой азбуки гражданскаго развитія. Зачѣмъ подымались ополченцы, зачѣмъ мужикъ несъ свой трудъ — свою копѣйку, свою кровь въ защиту бездушному престолу, который съ лепетомъ о своей благодарности, возвратилъ его розгамъ господина и каторжной работѣ на барщинѣ.

Говорятъ, что теперешній царь—добръ. Можетъ быть, того свирѣпаго гоненія, которое составляетъ характеръ прошлаго царствованія—нѣтъ, и мы первые душевно рады повторять эго.

Но вѣдь этого мало, вѣдь это еще отрицательное достоинство. Недостаточно еще не дѣлать зла, имѣя такія средства дѣлать добро, которыхъ уже нѣтъ ни у одной

монархической власти въ Европѣ. Да онъ не знаетъ какъ принятся, что дѣлать.

А сказать некому. Вотъ оно результатъ насильственнаго молчанія, вотъ что значитъ вырвать языкъ у народа и повѣсить замокъ на его губы. Зимній дворецъ окруженъ царствомъ нѣмоты, а въ немъ говорятъ одни николаевскіе генералъ-адъютанты. Конечно не они разскажутъ о вѣяніи современнаго духа, и не черезъ нихъ услышитъ Александръ II стонъ русскаго народа.

Чтобы слышать его, чтобы знать зло и средства его искоренить, теперь не нужно ходить какъ Гарунъ-аль-Рашидъ подъ окнами своихъ подданныхъ. Для этого стоитъ снять позорную цѣпь ценсуры, пятнающую слово, прежде, нежели оно сказано. И тотъ же Смирдинъ или Глазуновъ, который доставляетъ прочимъ смертнымъ книги, доведетъ до царя голосъ его народа.

Но этого то и не хотятъ — закоренѣлые въ рабствѣ слуги Николая.

Они погубятъ Александра — и какъ жаль его! Жаль за его доброе сердце, за вѣру, которую мы въ него имѣли, за слезы, которыя онъ нѣсколько разъ проливалъ...

Люди эти его втянутъ въ старую рутину, усыпятъ ложью, испугаютъ невозможностью, вовлекутъ снова во внѣшнія дѣла чтобъ отвести отъ внутреннихъ. Все это дѣлается уже теперь.

Съ какой стати соваться въ неаполитанскій вопросъ? Есть дѣла, въ которыя честные люди не мѣшаются; есть союзы, которые пятнаютъ, которые шли Николаю и отвратительны для Александра. Пора разстаться съ несчастной мыслью, что призваніе Россіи служить опорой всякому насилью, всякому тиранству.

Только было другіе народы начали меньше враждебно смотрѣть на Россію, — какъ на смѣхъ имъ старая дипломація привязала русскаго императора къ одному позорному столбу съ коронованнымъ Лаццарони. Какая

неосторожность, какое отсутствіе такта, какое отсутствіе любви къ Россіи и къ нему.

А дома еще разъ обманутый крестьянинъ, тащится на господское поле, посылаетъ сына во дворъ, — это ужасно! Правительство знаетъ, что обойти задачу освобожденія крестьянъ съ землею невозможно. Совѣсть, нравственное сознаніе Россіи требуютъ рѣшить ее. Что же выигрываетъ оно оттягивая вопросъ, откладывая его на завтра...?

Когда мы говорили что эта трусость передъ необходимостію, что эта безхарактерная медлительность дойдетъ до того, что вопросъ разрѣшится топоромъ крестьянина и умоляли правительство спасти его отъ будущихъ преступленій, добрые люди подняли крикъ ужаса и обвинили насъ же въ любви къ кровавымъ мѣрамъ.

Это ложь, это намѣренное непониманье. Когда врачь предостерегаетъ больнаго въ страшныхъ послѣдствіяхъ болѣзни, развѣ это значитъ что онъ ихъ любитъ, что онъ ихъ вызываетъ? — Что за дѣтское воззрѣніе.

Нѣтъ, мы слишкомъ много видѣли и слишкомъ близко, какъ ужасны кровавые перевороты — и какъ плоды ихъ бываютъ искажены, чтобъ съ свирѣпой радостiю накликивать ихъ.

Мы просто указывали куда эти господа идутъ и куда ведутъ. Пусть они знаютъ, что если ни правительство, ни помѣщики ничего не сдѣлаютъ — сдѣлаетъ топоръ. Пусть и Государь знаетъ, что отъ него зависитъ, чтобъ русскiй крестьянинъ не вынималъ его изъ за своего кушака!

Но вѣдь для этого надобно что нибудь дѣлать, а не отдалять вопроса и не отворачиваться отъ его послѣдствiй.

И—ръ.

25 Октября 1856, Путней.

КРЕЩЕНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

Съ дѣтскихъ лѣтъ я безконечно любилъ наши села и деревни, я готовъ былъ цѣлые часы, лежа гдѣ нибудь подъ березой или липой смотрѣть на почернѣлый рядъ скромныхъ, бревенчатыхъ избъ, тѣсно прислоненныхъ другъ къ другу, лучше готовыхъ вмѣстѣ сгорѣть, нежели распастся; слушать заунывныя пѣсни раздающіяся во всякое время дня, вблизи, вдали . . . съ полей несетъ сытнымъ дымомъ авиновъ, свѣжимъ сѣномъ, изъ лѣсу вѣетъ смолистой хвоей и скрипитъ запрещенный колодезъ опуская бадью и гремитъ по мосту порожняя телѣга, подгоняемая молодецкимъ окрикомъ . . . .

Въ нашей бѣдной, сѣверной, доливной природѣ есть трогательная прелесть, особенно близкая нашему

сердцу. Сельскіе виды наши не задвинулись въ моей памяти ни видомъ Соренто, ни Римской кампаніей, ни насупившимися Альпами, ни богато воздѣланными фермами Англіи. Наши безконечные луга, покрытые ровной зеленью успокоительно хороши, въ нашей стѣлящейся природѣ что то мирное, довѣрчивое, раскрытое, беззащитное и кротко грустное. Что то такое что поется въ русской пѣсни, что кровно отзывается въ русскомъ сердцѣ.

И какой славный народъ живетъ въ этихъ селахъ. Мнѣ не случалось еще встрѣчать такихъ крестьянъ какъ наши Великорусы и Украинцы.

Оно и не мудрено. Жизнь европейская пренебрегала деревней, она бойко шла въ замкѣ, потомъ въ городѣ, деревня служила пастбищемъ, кормомъ. Западной крестьянинъ выродившійся Кельтъ, побѣжденный Галлъ Германецъ побитый другимъ Германцемъ. По городамъ побѣдители мѣшались съ побѣжденными; съ земледѣльцами никто не мѣшался, пока они оставались земледѣльцами. Тамъ гдѣ побѣда пронеслась надъ головой прежняго населенія, не осѣла на немъ или не

могла до него добратся, тамъ крестьяне и не таковы, на пр. въ Романіи, въ Калабріи, Шотландіи, Швейцаріи, Норвегіи.

Крестьянинъ на Западѣ вообще однодворецъ, если онъ богатѣетъ, то онъ дѣлается полевымъ мѣщаниномъ; такъ какъ на оборотъ въ прежнее время русскіе купцы, пріобрѣтая миліоны оставались по правамъ и обычаямъ тѣми же крестьянами.

Деревенскіе мѣщане собственники составляютъ на Западѣ слой народонаселенія который тяжело налегъ на сельской пролетаріатъ и душитъ его, по мелочи и на чистомъ воздухѣ, такъ какъ фабриканты душутъ работниковъ гуртомъ въ чаду и смрадѣ своихъ рабочихъ домовъ.

Сословіе сельскихъ собственниковъ почти вездѣ отличается изувѣрствомъ, несообщительностью и скупостью; оно сидитъ на заперти въ своихъ каменныхъ избахъ далеко разбросанныхъ и окруженныхъ полями отгороженными отъ сосѣдей. Поля эти имѣютъ видъ заплатъ положенныхъ на землѣ. На нихъ работаетъ батракъ, бобыль, словомъ сельской пролетарій, со-

ставляющій огромное большинство всего полеваго населенія.

Мы, совсемъ напротивъ, государство сельское, наши города большія деревни, тотьже народъ живетъ въ селахъ и городахъ; разница между мѣщанами и крестьянами выдумана петербургскими Нѣмцами. У насъ нѣтъ потомства побѣдителей завоевавшихъ насъ, ни рздробленія полей въ частную собственность, ни сельскаго пролетаріата; крестьянинъ нашъ не дичаетъ въ одиночествѣ,— онъ вѣчно на міру и съ міромъ, комунизмъ его общиннаго устройства, его деревенское самоуправленіе дѣлаютъ его сообщительнымъ и развязнымъ.

При всемъ томъ половина нашего сельскаго населенія, гораздо несчастнѣе западнаго, мы встрѣчаемъ въ деревняхъ людей сумрачныхъ, печальныхъ, людей которые тяжело и не весело пьютъ зеленое вино, у которыхъ подавленъ разгульный славянскій нравъ,— на ихъ сердцѣ лежитъ очевидно тяжкое горе.

Это горе, это несчастіе—крѣпостное состояніе.

Сельскій пролетарій и крѣпостный мужикъ, два стра-

шніе обличителя двухъ страшныхъ неправдъ нашего времени...

Видѣли-ли вы литорафію, изданную А, Минкеви, чемъ и представляющую "Славянскаго невольника"?

Ненависть смѣшанная съ злобой и стыдомъ наполняетъ мое сердце, когда я гляжу на этотъ жестокій упрекъ, на это "къ топорамъ братцы", представленное съ поразительной вѣрностію.

Бѣлорусскій мужикъ, безъ шапки, обезумѣвшій отъ страха, нужды и тяжкой работы, руки за поясомъ, стоитъ середь поля и какъ то косо и безнадежно смотритъ внизъ. Десять поколѣній замученыхъ на барщинѣ образовали такаго парію, его черепъ съузился, его ростъ измельчалъ его лице съ дѣтства покрылось морщинами, его ротъ судорожно скрывленъ, онъ отвыкъ отъ слова. Звѣриной взглядъ его и запуганное выраженіе, показываютъ на сколько шаговъ онъ пошелъ вспять отъ человѣка къ животнымъ.

За это преступленіе, за этаго Бѣлоруса его паны не свободны, за него ихъ геройство, ихъ мученичество, ихъ страданія, не были приняты.

По другую сторону Европы стоитъ своего рода бѣлорусскій пахарь, его надобно самому видѣть, слово человѣческое не беретъ такого ужаса и не можетъ выразить. Какъ разсказать пепельный, тусклый, матовый цвѣтъ лица, тряпья, волосъ, ирландскаго пролетарія, выгнаннаго или вызженнаго помѣщикомъ изъ своей деревни за недоимку, и не успѣвшаго еще умереть съ голоду. Надобно видѣть своими глазами лихорадочный полусумашедшій и притомъ боязливо кроткій взглядъ, лице двадцати двухъ-трехъ лѣтней завялой старухи, которая проситъ глазами милостыню, показывая умирающаго ребенка съ посинѣлыми губами, которыя уже не сосутъ исзохшую, черствую грудь ея. И все это также подернуто землею, стерто, пепельно, безцвѣтно сѣро, и женщина и окочанѣвшій ребенокъ и полуобнаженная грудь и босая нога.

Между этими двумя крайними типами, которые вполнѣ представляютъ геркулесовы столбы нашей цивилизаціи — стоятъ сельскіе пролетаріи другихъ странъ Европы и крѣпостные мужики другихъ краевъ Россіи.

Пролетаріи иныхъ земель — Ирландцы, имѣющіе

немного насущнаго хлѣба, Ирландки, которыя могутъ еще кормить грудью дѣтей, наши Бѣлорусы, отпущенные на волю безъ земли и не боящіеся розогъ,— не болѣе.

Помѣщичьи крестьяне другихъ частей Россіи, опять тѣ же Бѣлорусы, но не успѣвшіе одичать не отданные на копье жиду - арендатору, не ненавидимые своимъ католическимъ помѣщикомъ, а единоплеменные и единовѣрные съ нимъ.

И именно по этому наше крѣпостное состояніе еще отвратительнѣе.

Я ничего не знаю нелѣпѣе, безобразнѣе дикаго отношенія рабства между ровными: по крайнѣй мѣрѣ Негръ, черенъ и курчавъ, а его помѣщикъ рыжъ и налитъ лимфой.

Зачѣмъ нашъ народъ попалъ въ крѣпость, какъ онъ сдѣлался рабомъ? Это не легко растолковать.

Все было до того нелѣпо, безумно—что за границей особенно въ Англіи никто не понимаетъ.

Какъ въ самомъ дѣлѣ увѣрить людей что половина огромнаго народонаселеленія сильнаго мышцами и

умомъ была отдана правительствомъ въ рабство безъ войны, безъ переворота, рядомъ полицейскихъ мѣръ, рядомъ тайныхъ соглашеній, никогда не высказанныхъ прямо и не оглашенныхъ какъ законъ.

А вѣдь дѣло было такъ, и не Богъ знаетъ когда, а два вѣка тому назадъ.

Крестьянинъ былъ обманутъ, взятъ въ разплохъ загнанъ правительственнымъ кнутомъ въ канканы, приготовленные помѣщиками, загнанъ мало по малу, по частямъ, въ сѣти раставленные приказными; прежде нежели онъ хорошенько понялъ и пришелъ въ себя— онъ былъ крѣпостнымъ.

Мы сами понимаемъ такія чудеса только по привычкѣ къ непоследовательности и безпорядку, къ неустоявшемуся колебанію русской жизни. У насъ вездѣ во всемъ неопрелѣленность и противурѣчіе, обычаи невзошедшіе въ законъ, но исполняемые; законы взошедшіе въ сводъ, но оставляемые безъ дѣйствія, деспотизмъ и избирательные судьи, централизація и выборная земская полиція. Жизнь въ Россіи возможна, благодаря этому хаосу, въ основѣ котораго комунизмъ деревень,

а въ главѣ всепоглощающее самовластье, между которыми бродитъ безсвязно и напросторѣ европейское образованіе, дворянское право, греческая церковь, военный артикулъ и нѣмецкое управленіе.

Крестьяне съ незапамятныхъ временъ селились на частныхъ землях, но крѣпостными они не были. Отношеніе ихъ къ помѣщикамъ было патріархальное, основанное на обычаяхъ, на взаимномъ довѣріи. Писанныхъ условій не могло быть, между прочимъ и потому что ни крестьяне, ни владѣльцы не знали грамоты. Народъ русской и теперь не любитъ бумажныхъ сдѣлокъ, между ровными; по рукамъ и чарка водки, тѣмъ дѣло и кончено. Ямщики возятъ дорогіе клади съ Кяхты до Нижняго и Москвы, едва дѣлая накладную, и то безъ всякой скрѣпы.

Московское правительство долго не могло добраться до крестьянъ, дурно устроенное, занятое уничтоженіемъ удѣловъ сначала, оно собственно сложилось въ мощную государственную силу при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Крестьяне жили покойно въ своихъ общинахъ и вовсе не занимались тѣмъ что дѣлалось въ Москвѣ.

Ихъ спасала отъ власти хартія данная самой природой, непроходимыя дороги, страшная даль, болота и грязь. Пока они жили беззаботно и спусти рукава, въ Москвѣ ковали имъ цѣпи.

Исторія мѣръ взятыхъ Годуновымъ извѣстна, царь Борисъ былъ большой "просвѣтитель" и прикрѣпленіе мужиковъ онъ не выдумалъ, а взялъ у балтійскихъ Нѣмцевъ.

Подъ предлогомъ голода, перехода въ плодоносныя страны государства, перехода отъ мелкопомѣстныхъ господъ къ богатымъ, онъ ограничилъ право покидать землю, не отдавая впрочемъ крестьянина въ неволю. Подъ тѣмъ же предлогомъ голода и побѣговъ къ Казакамъ онъ прикрѣпилъ дворовыхъ людей къ ихъ господамъ. Мало по малу изчезли послѣднія права перехода, непроизнося слово рабство, на самомъ дѣлѣ правительство лишило всѣхъ правъ крестьянъ жившихъ въ частныхъ владѣніяхъ. Цѣпь коварно положенная около сельской общины затягивалась болѣе, и болѣе до тѣхъ поръ пока великій мастеръ Петръ I заперъ ее замкомъ немѣцкой работы.

Едва обритые чиновники, въ шутовскихъ костюмахъ, съ разными мудреными названіями Ландратовъ, Ландрихтеровъ, Ландфискаловъ, объѣзжали деревни и читали какой то указъ, писанный темнымъ, ломанымъ и безобразнымъ языкомъ петровскаго времени.

Они дѣлали перепись и объявляли, что кого гдѣ ревизія захватила, тотъ тамъ будетъ крѣпокъ помѣщику.

Крестьяне были рады, видя что чиновники уѣзжали, не сдѣлавъ больше вреда, и въ сущности ничего непонимали.

Удивляться этому не надобно, потому что и правительство не понимало и до сихъ поръ не понимаетъ что оно сдѣлало. Ни Петръ I, ни всѣ его Голштейнскіе, Брауншвейгскіе и Ангалтъ-Цербскіе наслѣдники рѣшительно сами не знали что такое быть "крѣпкимъ". Никакой законъ этого не опредѣлилъ не истолковалъ.

Петръ I въ одномъ указѣ данномъ Сенату говоритъ что къ великому стыду въ Россіи продаютъ людей "какъ скотъ" и приказываетъ приготовить законъ

воспрещающій "будевозможно" продажу людей вообще или покрайней мѣрѣ продажу безъ земли. Сенатъ раболѣпный во всемъ, ослушался и никакаго закона не представилъ.

Изъ этого вы видите что Петръ I подъ словомъ быть крѣпкимъ, не разумѣлъ быть товаромъ, вещью.

"Я увѣренъ, писалъ собственноручно императоръ Александръ, что продажа крѣпостныхъ, безъ земли давно запрещена закономъ" и спрашивалъ у государственнаго совѣта въ силу какихъ постановленій допускается такая продажа. Государственный совѣтъ не зная ни однаго такого закона, отнесся къ сенату. Сколько не рылись въ сенатскомъ архивѣ ничего не нашли. Какъ ни просты наши Сенаторы, но въ этомъ случаѣ они не потеряли головы и представили тарифъ пошлинъ вышедшій въ царствованіе Анны Іоановны. Въ этомъ тарифѣ значилось сколько слѣдовало взимать пошлины за совершеніе купчей на продажу крѣпостныхъ людей; слѣдственно заключалъ Сенатъ, продажа людей была закономъ допущена. Но гдѣ этотъ законъ? Объ этомъ Сенатъ молчалъ.

Приказная уловка правительствующаго Сената была до того груба, что государственный Совѣтъ понялъ, что продажа людей дѣлается безъ всякаго права, и приготовивъ проэктъ закона воспрещающаго торгъ крещеной живностью, отослалъ его къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Ни совѣтъ, ни министръ, ни государь не возвращались болѣе на этотъ предметъ.

Этотъ замѣчательный анекдотъ разсказанъ Н. Тургеневымъ въ его книгѣ о Россіи. Авторъ былъ тогда статсъ-секретаремъ и самъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи новаго проэтка. Онъ оканчиваетъ свой разсказъ чертой глубоко печальной и удручающей. Предсѣдатель совѣта графъ Кочубей, человѣкъ умный, но давно потерявшій вѣру, подошелъ къ Тургеневу послѣ засѣданія и сказалъ ему съ горькой и насмѣшливой улыбкой: "А вѣдь государь то двадцать лѣтъ былъ увѣренъ, что людей не продаютъ по одиночкѣ!"

Этотъ анекдотъ сжимаетъ сердце и заставляетъ содрагаться отъ негодованія.

Николай хотѣлъ ограничить продажу людей, и желая сдѣлать добро, сдѣлалъ вредъ; такова обычная судьба полумѣръ и самовластныхъ распоряженій. Запрещая дворянамъ не имѣющимъ земли покупать крестьянъ, запрещая до извѣстной степени раздробленіе семействъ, онъ призналъ право продажи въ другихъ случаяхъ и далъ законную основу, терпимому безпорядку.

Императоръ Николай замѣчательно несчастенъ, ему не удается ничего хорошаго, и это между прочимъ оттого, что онъ вовсе не понимаетъ ничего русскаго и ничего гражданскаго. Ему бросается въ глаза безпорядокъ, чтобъ остановить его, онъ бьетъ камнемъ по лбу, и искажаетъ, портитъ послѣдніе уцѣлѣвшіе остатки русскаго права.

Такимъ образомъ онъ исказилъ основу петровскаго дворянства, легко возобновляемаго изъ народа, сопрягая дворянскія права, съ маіорскимъ чиномъ въ военной службѣ и съ чиномъ статскаго совѣтника въ гражданской.

Такимъ образомъ онъ исказилъ екатерининское устройство дворянскихъ выборовъ, вводя избирательный

ценсъ, котораго не было, и лишая голоса всѣхъ дворянъ имѣющихъ менѣе ста душъ.

Въ первомъ случаѣ онъ былъ руководимъ желаніемъ устранить мелкихъ чиновниковъ отъ быстраго пріобрѣтенія помѣщичьихъ правъ.

Въ другомъ, онъ хотѣлъ предупредить вліяніе богатыхъ владѣльцевъ на выборы.

Въ обоихъ, онъ временному вреду, безпорядку, пожертвовалъ нормой.

Не затруднять слѣдуетъ помѣщичьи права, ихъ слѣдуетъ уничтожить, "ликидировать."—Всѣ маленькія мѣры будутъ недостаточны, изворотливость исполнителей и хитрость помѣщиковъ найдутъ средства обойти законъ.

У меня нѣтъ ни земли, ни крестьянъ, я покупаю дворовыхъ людей на имя моего сосѣда, а съ него беру заемное письмо. И потомъ имѣя двѣ души и двѣ десятины, я могу покупать безъ всякаго ограниченія цѣлыя семьи живописцовъ, музыкантовъ, портныхъ, офиціантовъ...и обкладывать ихъ произвольнымъ оброкомъ, черезъ годъ продавать въ рекруты. Торгъ людьми идетъ не хуже какъ въ Кубѣ, или въ малой

Азіи. Правда, стыдливое и цѣломудренное правительство запретило объявлять о продажѣ людей. Въ газетахъ скромно и безсмысленно печатають: "отпускается въ услуженіе кучеръ, лѣтъ 35, здороваго сложенія, съ окладистой бородой и честнаго поведенія, или дѣвка лѣтъ 18, прекраснаго поведенія и годная на всякую службу".

Это лицемѣріе, этотъ полустыдъ, эта неловкая ложь пойманнаго на дѣлѣ вора въ устахъ самодержавія, имѣетъ въ себѣ что то безгранично подлое.

Самое существованіе несчастнаго сословія дворовыхъ людей внѣзаконное, ничѣмъ не опредѣленное и зависящее вполнѣ отъ помѣщика. Сколько крестьянъ можетъ взять помѣщикъ во дворъ изъ деревни, сколько рукъ отнять у семьи? Онъ можетъ взять жену у мужа и сдѣлать ее прачкой у себя въ домѣ, онъ можетъ взять послѣдняго сына у старика отца и сдѣлать изъ него лакея; пока помѣщикъ не уморилъ съ голоду или не убилъ физически своего крѣпостнаго человѣка, онъ правъ передъ закономъ и ограниченъ только однимъ топоромъ мужика. Имъ вѣроятно и разрубится запутанный узелъ помѣщичьей власти.

Русское правительство соединено съ Англіей договоромъ противъ торга невольниками. Отчего же надобно непремѣнно быть чернымъ, чтобъ быть человѣкомъ въ глазахъ бѣлаго царя. Или отчего онъ не произведетъ всѣхъ крѣпостныхъ въ Негры; придворные истопники, за выслугу и отличіе состоять же иногда на правахъ Арапов.

Меня поражаетъ удивленіемъ безнадежная неспособность нашего правительства во всѣхъ внутреннихъ вопросахъ. Александръ обдумывалъ двадцать пять лѣтъ планъ освобожденія, Николай приготовлялся семнадцать лѣтъ, и что же выдумали они въ полстолѣтья, нелѣпый указъ 2 Апрѣля 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ.

Но скажутъ, гдѣ же средства? Средства найдутся. И съ какихъ это поръ русское правительство сдѣлалось такъ разборчиво въ отношеніи къ средствамъ.

Развѣ недоставало средствъ у Екатерины II, чтобъ отдать въ крѣпость Малороссію въ XVIII столѣтіи? Развѣ недостало средствъ въ XIX, для водворенія военныхъ поселеній, для обращенія Уніатъ въ греко-россійское исповѣданіе и Польши въ русскія губерніи? Петер-

бургское правительство никогда не задумывалось о средствахъ, не останавливалось ни передъ чѣмъ; въ 1845 году былъ голодъ въ псковской губерніи, чѣмъ помочь? Очень просто, Николай велѣлъ переселить полъпсковской губерніи въ тобольскую; зимой погнали съ однаго конца Руси на другой, плачущія семьи, дѣтей, стариковъ, обнищалыхъ, голодныхъ, половина перемерла по дорогѣ, другая пришла на свое поселеніе.

По счастію для освобожденія крестьянъ вовсе не нужно всѣхъ этихъ злодѣйствъ и преступленій.

Они боятся дотронутся до этого вопроса, оттого что они трусы. Въ сущности бояться нечего; вѣдь это хорошо разказывать иностраннымъ газетамъ объ дикихъ Boyards moscovites, всегда готовыхъ на цареубійство и грозныхъ своимъ вліяніемъ. Ихъ совсѣмъ нѣтъ.

Весь народъ очевидно былъ бы за правительство, и не одинъ народъ; а вся образованная часть дворянства.

Если закоснѣлые помѣщики и московскіе бояры будутъ противиться, имъ придется ограничится ропо-

томъ. Отчего имъ и непозволить болтать о своемъ неудовольствіи. Они впрочемъ столько проповѣдывали намъ безусловную покорность передъ высочайшей властью, что справедливо было бы отъ нихъ потребовать примѣръ. Да и гдѣ ихъ права? Они владѣли мужиками и раззоряли ихъ по царской милости; по царской немилости они перестали бы ихъ раззорять. Люди эти не имѣютъ партіи, ихъ сила мнимая. Зимній Дворецъ полонъ выслужившимися Нѣмцами, солдатами и писарями которыхъ богатство, судьба и сила связана не съ помѣщичьимъ правомъ, а съ петербургскимъ императорствомъ.

Убійство Петра III. и Павла I. сдѣлало удивительную репутацію русскимъ вельможамъ. Обстоятельства теперь нисколько не похожи на тогдашнія, гдѣ эти отчаянные Орловы и обиженные Зубовы, гдѣ участіе жены, сына, всего этаго нѣтъ; кто сколько нибудь знаетъ Россію, тотъ безъ смѣху не можетъ подумать объ опозиціи "московскихъ бояръ."

Въ рукахъ правительства рядъ соціальныхъ и финансовыхъ мѣръ, которыми оно можетъ безъ сильнаго

и внезапнаго потрясенія освободить крестьянъ съ землею. Она ихъ знаетъ изъ сотни проэктовъ поданныхъ съ 1842 г. Киселеву и Перовскому.

Вмѣсто того чтобъ воспитательные домы превращать въ рынки на которыхъ продаютъ ревижскія души съ молотка, правительство можетъ переводить долгъ на деревни и брать съ нихъ въ замѣну оброка свои 5пр. Оно можетъ сдѣлать внутренній заемъ для выкупа другихъ и пр.

Пусть оно только позволитъ дворянамъ прямо и открыто заняться этимъ вопросомъ, пусть разрѣшитъ всѣмъ кто хочетъ составленіе обществъ, товариществъ для выкупа крестьянъ, для помощи освобождающимся, предварительно удостовѣривъ, что ни въ какомъ случаѣ капиталъ общества не будетъ схваченъ и не будетъ употребленъ ни на постройку кадетскаго корпуса, ни на поѣздку въ Палермо, ни даже на усмиреніе мятежниковъ на Кавказѣ или въ Венгріи.

"Все это прекрасно, правительство должно бы, дворянство могло бы, конечно—но что же при всемъ этомъ самъ народъ, народъ гоняемый на барщину, наказы-

ваемый розгами, разворяемый, продаваемый. Если онъ можетъ выносить такое положеніе, онъ заслуживаетъ его."

Разумѣется, такъ какъ Ирландецъ заслуживаетъ голодъ, Итальянецъ австрійское иго. Я такъ привыкъ къ этому свирѣпому væ victis что всегда жду его. Чтоже съ богомъ въ походъ противъ всякаго страданія, всякаго несчастія всякой трагической судьбы. Мало пролетарію что онъ бѣденъ, что ему ѣсть нечего, что онъ не можетъ развиться, что ему недосугъ думать, прибавимъ къ его горькой участи горькое слово. Мало крестьянину что его обманомъ и плутовствомъ отдали въ крѣпость, въ которой его держутъ шесть сотъ тысячь штыковъ, судьи, земская полиція, помѣщики, розги, и самая церковь; скажемъ ему что онъ это заслужилъ, что онъ недостоенъ лучшей судьбы, потомъ отвернемся отъ нихъ обоихъ и отъ ихъ глухаго стона.

Впрочемъ прежде нежели мы ихъ оставимъ я совѣтую имъ сказать спасибо, за то что голодъ одного, потъ другаго, невѣжество обоихъ дали намъ средства такъ умно развиться.

Мнѣ всякой разъ становится не по себѣ когда говорять о народѣ. Въ нашъ демократической вѣкъ нѣтъ ни однаго слова, которое бы такъ мало понимали и такъ употребляли во зло. Понятіе сопрягаемое съ нимъ неопредѣленно, преувеличено, поверхностно, полно риторики въ похвалахъ и порицаніяхъ, одни поднимають народъ до небесъ и дѣлаютъ изъ него какаго то прорицателя законовъ, неписанной разумъ, судью, другіе топчутъ его въ грязь, называя грубой толпой. Всѣ эти разглагольствованія, умиленія, негодованія и декламаціи не прибавляютъ ни на волосъ къ пониманію этой гранитной основы государствъ и человѣчества, связанной цементомъ вѣковыхъ воспоминаній и кровнаго родства, на которой построенъ плохой балаганъ современнаго политическаго устройства полусгнившій, и покачнувшійся.

Правительство и плавающій вверху слой цивилизаціи, закрываютъ народъ и не допускаютъ знать его. За этими офиціальными и литературными декораціями, онъ живетъ по своему, рѣдко соображаясь съ ними, остается покойнымъ когда за него горячатся и бросаютъ

перчатку, и возстаетъ когда всего менѣе этого ждутъ.

Одни легкія революціи дѣлаются легко. Вѣтеръ свободно двигаетъ во всѣ стороны верхній слой общественной зыби, но глубь тиха до урагана.

За то и слѣды такихъ революцій не велики, онѣ мѣняютъ одежду и названіе, а дѣло остается по старому.

Народъ туго и не скоро возстаетъ, онъ не играетъ, не шутитъ перемѣнами, онъ такъ бѣденъ что долго не рискуетъ послѣднимъ; его возстаніе всегда глубоко выстраданное. Если оно неудачно, преждевременно, цѣлые племена, государства, гибнутъ, глохнутъ. Германія потеряла всякой политической смыслъ и превратилась въ школу, усмиривъ крестьянъ.

Но возвратимся къ народу русскому. Онъ уступилъ не безъ боя. Вспомните что было послѣ Бориса, во время самозванцевъ и междуцарствія, казалось все государство было понято огнемъ и распадалось, все бродило въ болѣзненномъ волненіи бралось за оружіе; откуда эта возбужденность, эта готовность къ бою, откуда эти полчища тушинскаго вора и другихъ кондотьеровъ? Едва Романовы усѣлись, Сѣверовостокъ

Руси покрылся разбойниками, съ ними воюютъ какъ съ непріятелями, противъ нихъ посылаютъ войска и пушки, ихъ вѣшаютъ сотнями при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. У Стеньки Разина было цѣлое войско. Столѣтье спустя цѣлое войско собралось вокругъ Пугачева.

Именемъ Петра III, котораго народъ не зналъ, мудрено было бы поднять цѣлыя губерніи. Имя его придавало призрачную законность и фирму возстанію. Въ сущности народъ бунтовалъ противъ крѣпостнаго состоянія и ненаціональнаго правительства. Перечень казней въ приложеніяхъ къ пушкинской исторіи пугачевскаго бунта ясно показываетъ противъ кого и чего дрался народъ.

Съ тѣхъ поръ ни мужики, ни дворовые не возстаютъ массами. Сила сломила ихъ, средства усмиренія удесятерились, тронъ Екатерины, качавшійся сначала—вросъ въ землю въ концѣ ея царствованія. Когда крестьянамъ становится не въ терпежъ они бѣгутъ, дѣлаютъ поджоги или рѣжутъ господъ. Рѣдко сговариваются они съ другими деревнями, хотя и

были примѣры лѣтъ десять тому назадъ въ Тамбовѣ и въ Симбирскѣ что нѣсколько деревень дѣйствовали за одно. Бунты ихъ дѣлаются изъ мести и съ отчаянія безъ всякой надежды поправить свое положеніе.

Народу, разсѣянному по необозримымъ долинамъ и живущему въ деревняхъ открытыхъ со всѣхъ сторонъ, ничѣмъ не защищенныхъ кромъ лѣсовъ, трудно дѣлать возстанія.

Сверхъ того вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія не былъ до нашего времени понимаемъ одинакимъ образомъ крестьянами и нашими "аболиціонистами." Съ точки зрѣнія либерализма и религіи собственности, вопросъ разрѣшался прямо противъ народнаго смысла.

Послѣ наполеоновской войны Александръ освободилъ Эстовъ принадлежавшихъ остзейскому дворянству, онъ имъ далъ личную свободу безъ земли. Весьма вѣроятно, еслибъ русскіе крестьяне, такъ мужественно дравшіеся противъ непріятеля, съ нѣкоторой настойчивостью потребовали освобожденія, императоръ при тогдашнемъ его настроеніи уступилъ бы имъ. Часть

Русскіе говорящіе такъ легко о разрушеніи сельской общины, никогда не думали что же останется, что будетъ когда и этотъ послѣдній узелъ народной жизни, насильственно развязанный—разпустится.

Народъ русской все вынесъ, но удержалъ общину, община спасетъ народъ русскій; уничтожая ее вы отдаете его, связаннаго по рукамъ и ногамъ помѣщику и полиціи. И коснуться до нея въ то время когда Европа оплакиваетъ свое раздробленіе полей, и всѣми силами стремится къ какому нибудь общинному устройству!

Говорятъ что община поглощаетъ личность и что она несовмѣстна съ ея развитіемъ. Въ этомъ мнѣніи есть доля правды. Всякой неразвитой комунизмъ подавляетъ отдѣльное лицо. Но не надобно забывать что русская жизнь находила сама въ себѣ средства отчасти восполнять этотъ недостатокъ. Сельская жизнь образовала рядомъ съ неподвижной, мирной, хлѣбопашенной деревней, подвижную общину работниковъ—артель и военную общину Казаковъ.

Артель лучшее доказательство того естественнаго, без-

отчетнаго сочувствія Славянъ съ соціализмомъ, о которомъ мы столько разъ говорили. Артель вовсе не похожа на германской цѣхъ, она не ищетъ ни монополи, ни исключительныхъ правъ, она не для того собирается чтобъ мѣшать другимъ, она устроена для себя, а не противъ кого либо. Артель соединеніе вольныхъ людей однаго мастерства на общій прибытокъ общими силами.

Казачество была отвореная дверь людямъ нелюбящимъ покоя, ищущимъ движенія, опасности, независимости. Оно соотвѣтствовало тому буйному началу молодечества и удали, которое рядомъ съ мирнымъ и добродушнымъ правомъ Славянъ составляетъ ихъ характеристику.

Общинный дружинникъ, Казакъ, становился безсмѣнной стражей на крайнихъ предѣлахъ отечества, и берегъ его; онъ не хотѣлъ знать никакого правительства, кромѣ своего выборнаго; лучше становился разбойникомъ нежели подданнымъ, но родинѣ служилъ вѣрой и правдой и не жалѣя лилъ за нее свою кровь. Запорожцы были славянскіе витязи, витязи мужики, странствующіе рыцари чернаго народа.

Привычные къ войнѣ и дорогѣ, Казаки имѣли тѣ

неопредѣленныя влеченія, то политическое чутьё, тѣ пророческія догадки, которыми отличались Норманы. Горсть Казаковъ завоевала Сибирь. Ермакъ не остановился на Тобольскѣ, онъ добрался до Иркутска и тамъ сложилъ свою буйную голову. Другой Казакъ послѣ него, съ своей небольшой дружиной пробился сквозь льды и степи до морскага берега, какъ будто что то неопреодолимое тянуло ихъ къ Тихому океану, къ этому Средиземному Морю будущаго; какъ будто они провидѣли всю важность поставить Русь лицемъ къ лицу съ Сѣверо-американскими Штатами.

Надобно было имѣть все жалкое непониманіе нѣмецкаго правительства чтобъ не оцѣнить такаго учрежденія какъ казачество. Не даромъ Казаки возражали Богдану Хмѣльницкому что вольнымъ людамъ нельзя вступать въ подданство Москвѣ. Петръ I. обрадовался измѣнѣ Мазепы и принялся притѣснять Малороссію вопреки всѣхъ договоровъ. Елизавета сдѣлала своего любовника гетманомъ. У Екатерины II ихъ было слишкомъ много; чтобъ никого не обидѣть она раздѣлила между ними Малороссію и отдала имъ въ крѣпость вѣчно сво-

бодныхъ людей. Она Казаками платила за свои египетскія ночи.

Не смотря на то, Казаки явились въ 1812 году тѣмъ же отважнымъ, лихимъ войскомъ какимъ были прежде. Они вносили въ регулярную армію, поэтической и народной элементъ. Безъ строя и выправки, съ пикой и бородой, на маленькихъ лошадкахъ съ длинной гривой, они разсыпались, изчезали, нападали съ страшной дерзостью и ускользали съ восточной уклончивостью. Они всего больше остались въ памяти непріятеля.

Николай, вѣрный своей мертвящей мысли однообразія, безличія, сближаетъ ихъ болѣе съ военными поселеніями. Онъ разрушилъ ихъ демократическое устройство " облагороживая" ихъ есауловъ, прежде возвращавшихся снова въ ряды простыхъ Казаковъ. Онъ даже отнялъ у нихъ ихъ пѣсни, подвергнувъ ихъ какой то цензурѣ.

Само собою разумѣется что ни въ комунизмѣ деревень, ни въ казацкихъ республикахъ мы не могли бы найти удовлетворенія нашимъ стремленіямъ. Все это было слишкомъ дико, молодо, неразвито, но изъ этаго не слѣдуетъ что намъ должно ломать эти незрѣлыя начина-

нія, напротивъ ихъ надобно продолжать, развивать, образовывать. Тутъ нѣтъ большаго достоинства, что мы неподвижно сохранили нашу общину въ то время какъ германскіе народы ее утратили, но это большое счастіе и его не надобно выпускать изъ рукъ. Мы долго ждали, долго временили, воспользуемся опытностью нашихъ сосѣдей, она имъ страшно дорого стоитъ.

Міръ западный утратилъ свое общинное устройство; хлѣбопашцы и несобственники были принесены на жертву развитію меньшинства; за то развитіе дворанство и горожанъ было велико и богато. Оно имѣло рыцарство съ его непреклонной идеей права, оно имѣло искусство и литературу, науку и промышленность, наконецъ реформацію и революцію, которыя грозно и торжественно низвергнули половину церкви и половину трона.

Одна Россія, эта падчерица, эта Сандрильона между народами европейскими не имѣла никакой доли въ пріобрѣтеніяхъ и побѣдахъ своихъ сосѣдей. Народъ русской такъ же мало былъ способенъ къ торжественному западному развитію трехъ послѣднихъ вѣковъ, какъ къ крестовымъ походамъ, какъ къ схоластикѣ и теологическимъ спорамъ, какъ къ римскому праву и

германскому феодализму. Народъ русской ничего непріобрѣлъ со временъ Владиміра и кіевскаго періода; подъ монгольскимъ гнетомъ хановъ, подъ византійскимъ царей, подъ нѣмецкимъ императоровъ, подъ суринамскимъ помѣщиковъ; онъ сохранилъ только свою незамѣтную, скромную общину т. е. владѣніе сообща землею, равенство всѣхъ безъ исключенія членовъ общины, братской раздѣлъ полей по числу работниковъ и собственное мірское управленіе своими дѣлами. Вотъ и все приданное Сандрильоны, за чѣмъ же отнимать послѣднѣе... "За тѣмъ что при всемъ этомъ на Руси жить тяжко, ни уму, ни сердцу нѣтъ простора." Тяжко, дурно жить въ Россіи, это правда и тѣмъ тяжеле было для насъ, что мы думали что въ другихъ странахъ легко и хорошо жить.

Теперь мы знаемъ что и тамъ тяжело. Отъ того что и тамъ, не разрѣшенъ вопросъ, около котораго сосредоточилась теперь вся человѣческая дѣятельность, вопросъ объ отношеніи лица къ обществу и общества къ лицу. Крайнія, одностороннія развитія привели къ двумъ нелѣпостямъ—къ гордому своими правами, независимому Англичанину, котораго свобода основана на

вѣжливой антропофагіи и къ бѣдному русскому мужику безлично потерянному въ общинѣ, безправно отданному въ крѣпость и въ силу того служащему съѣстнымъ припасомъ барину.

Гдѣ ихъ примиреніе, какъ снять ихъ противурѣчіе, какъ сохранить независимость Британца безъ людоѣдства, какъ развить личность крестьянина безъ утраты общиннаго начала? Въ этомъ то вся мучительная задача нашего вѣка, въ этомъ то и состоитъ весь соціализмъ.

Безумно было бы начать переворотъ съ уничтоженія свободныхъ учрежденій потому что они на дѣлѣ доступны только меньшинству; еще безумнѣе уничтожить общинное начало, къ которому стремится современный человѣкъ за то, что оно не развило еще свободной личности въ Россіи.

Наша деревня довольно наказана рабствомъ за ея односторонность, за ея слишкомъ патріархальные нравы; неужели и самое освобожденіе должно ей служить наказаніемъ?

Помѣщичья власть, какъ нѣчто совершенно внѣшнее, поддерживаемое однимъ насиліемъ легко снимется съ сельской жизни.

Гакстгаузенъ старается доказать въ своей книгѣ, что помѣщики представляютъ патріархальную главу общины, нѣчто въ родѣ старинныхъ шотландскихъ клановъ или аравійскихъ эмировъ. Мнѣніе это, нѣкогда поддерживаемое плантаторами изъ московскихъ панславистовъ, совершенно ложно.

Патріархальный глава общины—староста, выбранный міромъ взятый изъ самой общины, равный всѣмъ. Онъ замѣняетъ отца и есть дѣйствительный опекунъ, ходатей, представитель деревни. Гдѣже начинается необходимость другой главы, вотчима, постороннаго, опирающагося на внѣшнюю власть не принимающаго никакого участія въ дѣлахъ общины, не несущаго ея тяги и обкладывающаго ее оброкомъ и барщиной?

Еслибъ помѣщикъ былъ только собственникъ земли, его права ограничивались бы кортомными деньгами за нее, соотвѣственной работой или половничествомъ. Но оно вовсе не такъ. Онъ владѣетъ гораздо больше человѣкомъ нежели землею, онъ беретъ окупъ не съ десятины, а съ мышцъ, съ дыханія, онъ заставляетъ

платить за право работы, движенія, существованія. Оброкъ дворовыхъ, ходящихъ по паспорту, основанъ по превосходному выраженію, невзначай сорвавшемуся у Гакстгаузена, на обратномъ Сен-Симонизмѣ, чѣмъ больше способности, тѣмъ больше требуетъ баринъ. Очевидная нелѣпость.

За общиной логически ничего нѣтъ другаго какъ соединеніе общинъ въ большія группы и соединеніе группъ въ общемъ, народномъ, земскомъ дѣлѣ, (res publica). Казенныя деревни дѣйствительно соединяются въ волости, они избираютъ сверхъ старость, тысяцкихъ, сотскихъ, десятскихъ, голову, и при немъ двухъ стариковъ въ судьи. Все это совершенно послѣдовательно идетъ изъ народнаго понятія о правѣ, написаннаго, но живаго во всякой славянской груди. Но тутъ разомъ обрывается всякой смыслъ, мы встрѣчаемся съ становымъ приставомъ, съ канцелярскимъ правительствомъ и съ помѣщичьей властію.

Прерывъ всякой связи между народомъ и дворянствомъ, между народомъ и чиновничествомъ очевиденъ, и никогда не былъ онъ рѣзче обозначенъ

какъ теперь. Лѣтъ сто тому назадъ богатые помѣщики изъ аристократизма щадили своихъ крестьянъ; бѣдные жили между ними и мало отличались отъ нихъ нравами и образованіемъ. Все это измѣнилось. Образованіе разъединило совершенно помѣщиковъ съ крестьянами, и они не могли болѣе ни брать участія, ни любить крестьянъ, ни жалѣть ихъ, все чуждое для насъ безразлично; но они могли и хотѣли пользоваться ими и пользовались. Крестьянинъ перешелъ въ разработываемую собственность. Развитіе промышленности фабрикъ, и самое распространеніе политической экономіи переложенной на россійскіе нравы дали тысячу новыхъ средствъ употреблять крестьянъ на пользу. Помѣщикъ "патріархальпая глава общины" сдѣлался мало по малу изъ вельможи фабрикантомъ, плантаторомъ, торговцомъ бѣлыхъ Негровъ.

Этаго разрыва брасающагося въ глаза не хочетъ видѣть Гакстгаузенъ, увлеченный своей монархической демагогіей, своей страстной любовью рабства. Принявъ власть помѣщика за патріархальную, онъ естественно принимаетъ за такую же народную отеческую власть—

петербургское императорство. Оно въ его глазахъ продолженіе кіевскаго великокняжества; императоръ Николай тотьже равноапостольный Владиміръ, которого народъ назвалъ своимъ краснымъ солнцемъ. Тамъ гдѣ онъ не находитъ другой возможности объяснить дикій, русской деспотизмъ, тамъ онъ благоговѣетъ передъ „высотою повиновенія" народа русскаго; эту безпредѣльную покорность королевски пруской якобинецъ абсолютизма называетъ нашей высокой добродѣтелью.

Здѣсь не мѣсто вступать въ разборъ историчесcаго значенія петровскаго переворота, петровской Руси; мы считаемъ переворотъ этотъ необходимымъ, онъ разбудилъ Россію, онъ ее повелъ впередъ, когда она сама еще не могла идти, онъ былъ полонъ вѣрою въ ея великія судьбы, въ ея великія силы, но онъ былъ свирѣпъ и жестокъ, какъ большая часть революцій, какъ царство ужаса въ 93 году, и именно потому разорвалъ единство жизни русской.

Двѣ Россіи сначала XVIII столѣтія стали враждебно другъ противъ друга. Съ одной стороны была Россія правительственная, императорская, дворянская, богатая

деньгами, вооруженная не только штыками, но всѣми приказными и полицейскими уловками взятыми изъ Германіи.

Съ другой, Русь чернаго народа, бѣдная, хлѣбопашенная, общинная, демократическая, безоружная, взятая въ расплохъ, побѣжденная собственно безъ боя. Что же тутъ удивительнаго, что императоры отдали на раздробленіе своей Россіи, придворной, военной, одѣтой по нѣмецки, образованной снаружи — Русь мужицкую, бородатую, неспособную оцѣнить привозное образованіе и заморскіе нравы, къ которымъ она питала глубокое отвращеніе.

Что имъ было ее жалѣть?

—Что ты ходишь, повѣся носъ, спросилъ однажды графъ Завадовскій или Зоричь, словомъ одинъ изъ наложниковъ императрицы Екатерины II, почтеннаго дворянина, состоявшаго при немъ въ качествѣ шута.

Собесѣдникъ къ которому относился вопросъ, былъ человѣккъ необыкновенно толстый и прожорливый,

всегда обѣдавшій у графа. Когда графъ бывалъ особенно веселъ, онъ давалъ знакъ рукою, лакей надѣвалъ на голоднаго шута хомутъ и затянувъ шею, пускалъ его на ѣду.

Дворянинъ бился въ хомутѣ какъ звѣрь, бросался нарочно на блюды, давился, былъ очень гадокъ, словомъ, усердно тѣшилъ своего покровителя, хохотавшаго до слезъ.

— Поневолѣ повѣсишъ носъ, отвѣчалъ упряжной дворянинъ, ваше сіятельство изволите всѣхъ щедротами своими награждать, одинъ я, несчастный, забытъ вами.

— Какъ такъ?—спросилъ графъ.

— Ваше сіятельство всѣмъ пожаловали отчины въ Малороссіи, а мнѣ хоть бы какую нибудь сотню дрянныхъ Казаковъ.

— Каковъ малый, отвѣчалъ сквозь хохотъ графъ, губа то не дура. Такъ и тебѣ Казаковъ захотѣлось? ха, ха, ха. Чѣмъ же ты заслужилъ Казаковъ?

— Да помилуйте, ваше сіятельство, отвѣчалъ шутъ, вѣдь я и не Богъ знаетъ чего прошу, чего вамъ графъ стоятъ Казаки, а мнѣ милость была бы дорога и я до гроба молился бы объ вашемъ здравіи.

— Еще лучше, замѣтилъ веселый графъ, да онъ совсѣмъ не такъ глупъ какъ кажется, въ самомъ дѣлѣ, чего жалѣть Казаковъ. Ну, такъ и быть, дамъ тебѣ Казаковъ.

— Ваше сіятельство, ваше сіятельство! говорилъ тронутый шутъ, и ползъ на колѣняхъ приложиться къ графской ручкѣ, неужели и въ правду?

— Ну полно, полно, отвѣчалъ графъ, милостиво протягивая руку, говорю тебѣ, будутъ у тебя Казаки.

Это было въ то самое время, когда Екатерина II вводила крѣпостное состояніе въ Малороссію. Одержимая ненасытимой нимфоманіей, запятнанная всѣми преступленіями, эта "мать отечества" дала однимъ своимъ любовникамъ болѣе трехъ сотъ тысячь душъ мужескаго пола. (*)

Графъ сдержалъ слово, и отложенный шутъ поѣхалъ управлять своими Казаками.

— Въ прошедшемъ году переѣзжая С. Готаръ, я взялъ въ одной гостинницѣ трактирную книгу, въ ней

(*) У Кастеры приложенъ счетъ.

большими буквами стояла руская фамилія. Подъ нею другой путешественникъ написалъ мелкимъ шрифтомъ по французски: "тотъ самый, котораго дворовые люди высѣкли".

Эта непріятность случилась съ однимъ камергеромъ, извѣстнымъ богачемъ и негодяемъ. Въ 1850 году онъ жилъ въ своемъ малороссійскомъ имѣньи. Крестьяне и дворовые выведенные изъ терпѣнья, рѣшились проучить его. Они его высѣкли и взяли письменную росписку, что онъ будетъ молчать. Прошло нѣсколько времени, испуганный камергеръ, казалось присмирѣлъ, но вдругъ поставилъ въ рекруты молодаго малаго, оказавшагося особенно усерднымъ во время наказанія. Когда рекруту забрили лобъ, онъ сказалъ председателю, что баринъ отдалъ его въ солдаты за то, что онъ его больно сѣкъ. Въ удостовѣреніе чего, рекрутъ вытащилъ изъ за пазухи камергерскую росписку.

Документъ этотъ до того поразилъ присутствующихъ, что они не догадались ни уничтожить его, ни уничтожить рекрута, ни даже продать росписку камергеру. Они сгоряча представили "казусъ сей" на усмотрѣніе

министру внутреннихъ дѣлъ. Но и тотъ призадумался, случай о сѣченыхъ камергерахъ рѣшительно не былъ предвидимъ сводомъ законовъ. Министръ доложилъ государю. Государь терпѣвшій камергера пока онъ сѣкъ, выгналъ его изъ службы за то, что его сѣкли. Москвичи ѣздившіе къ нему на балы, зная его гнусное поведеніе, оставили его, узнавъ объ исправительной мѣрѣ, употребленной дворовыми. Камергеръ обидѣлся, сталъ жаловаться, чуть не сдѣлался недовольнымъ. Государь велѣлъ ему ѣхать за границу и не возвращаться безъ особаго приказа.

Несчастно гонимый и интересный камергеръ этотъ, никто иное, какъ благополучный наслѣдникъ упряжнаго шута, а люди его наказывавшіе, дѣти Казаковъ пожалованныхъ Екатериной.

Это рѣзко характеризуетъ грязное начало и безсмысленныя послѣдствія русскаго помѣщичьяго права.

Что тутъ прибавлять къ графу фавориту, согласному, что Казаковъ жалѣть нечего, къ шуту въ хомутѣ, который вдругъ изъ грязныхъ нахлѣбниковъ дѣлается законнымъ господиномъ свободныхъ Казаковъ, къ

камергеру благоразумно предпочитающему розги смерти, къ премудрому царю, который туда же дѣлаетъ пропаганду, посылая избитаго камергера съ своей зебровой спиной таскаться по всѣмъ столицамъ Европы, по морямъ, сушамъ и альпійскимъ вершинамъ . . .

AMERICAN AND CONTINENTAL LITERARY AGENCY,

60, PATERNOSTER ROW.

Messrs. TRÜBNER & Co.

Beg to announce that the HONOURABLE EAST INDIA COMPANY have appointed them, by a special resolution of the Court of Directors, the sole Agents for the Company's Publications in the United States.

They call particular attention to their Catalogue, which contains every book published by authority of the Board of Directors, as well as a selection of the works of the most celebrated Oriental scholars of the Continent. Every known publication, likewise, in the Oriental languages can be procured at a few days' notice.

Messrs. Trübner & Co. supply American and Foreign (Old and Modern) Books, Periodicals, Philosophical Apparatus, and everything connected with literature, science, and the arts. They have also established Agents in Paris, Vienna, St. Petersburg, Amsterdam, Berlin, Copenhagen, Leipzig, etc., and by dealing directly with these Agents, they are enabled to offer superior advantages both in buying and selling on the Continent.

Orders can be forwarded through any Bookseller in the United States, the United Kingdom, and on the Continent of Europe.

TRÜBNER AND CO.,

AMERICAN, CONTINENTAL, AND ENGLISH BOOKSELLERS,

60, PATERNOSTER ROW, LONDON.

UNIVERSAL PRINTING ESTABLISHMENT,
178 & 179, High Holborn.—London.

Второе издапіе Полярной Звѣзды и сочиненій ИСКАНДЕРА (А. Герцена.) Н. ТРЮБНЕРА И Ко.

Изданія Вольной Русской Типографіи въ Лондонѣ разошлись съ быстротою въ послѣдніе два года. Н. Трюбнеръ и Ко. пріобрѣли отъ Г. Герцена право на второе изданіе его Сочиненій : (*) и Сборника подъ заглавіемъ

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

На 1855, 1856, 1857, годы.

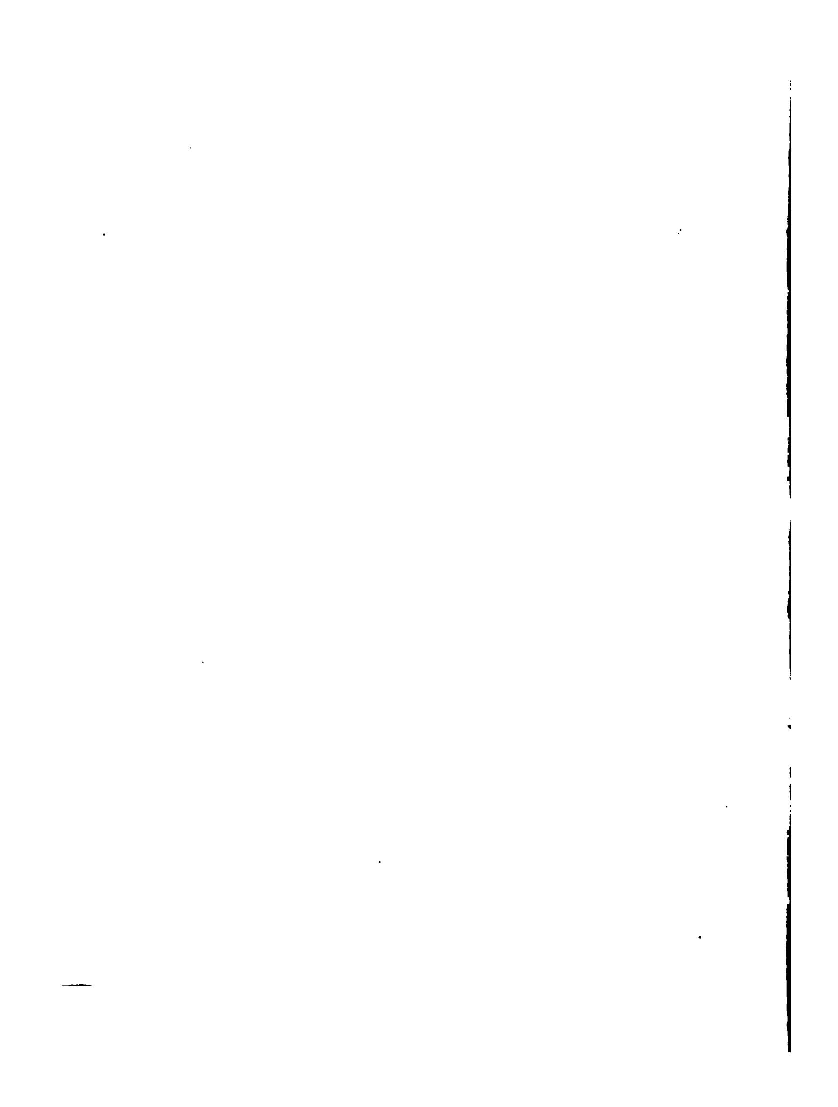
У нихъ можно найти кромѣ Сборника слѣдующія сочиненія 2го изданія пересмотрѣнныя Авторомъ :

ПРЕРВАННЫЕ РАЗКАЗЫ (съ портретомъ автора).
ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ И ИТАЛІИ (1847-1852).
СЪ ТОГО БЕРЕГА.
КРЕЩЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.
НАРОДНЫЙ СХОДЪ въ St. Martins Hall.
ГОЛОСА ИЗЪ РОССІИ I, II, III, IV.
Сверхъ того вновь вышедшую поэму
ЮМОРЪ.
КОЛОКОЛЪ прибавочные листы къ Полярной звѣздѣ.

Г. Трюбнеръ готовъ съ своей стороны предпринимать всякаго рода русскія изданія учёныя, политическія, учебныя и художественныя, о чемъ и извѣщаетъ русскихъ литераторовъ, не всегда имѣющихъ полную возможность печатать свои сочиненія въ Россіи. Успѣхъ предпріятія Г. Герцена и его благосклонный пріемъ новаго русскаго органа позволяютъ Г. ТРЮБНЕРУ надѣяться на довѣріе публики.

TRÜBNER & Co.
60, Paternoster Row, London.

(*) Г. Герценъ исключилъ Тюрьму и Ссылку. это сочиненіе войдетъ въ полное изданіе его записокъ подъ заглавіемъ. — "БЫЛОЕ И ДУМЫ".

3 2044 055 074 801

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

